

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗАГРОБНЫХ МИРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФАНТАСТИКЕ

Москвин А.А.

Оренбургский государственный университет

Долгое время загробные миры были важным элементом религиозной картины мира. «Ни один ученый не может претендовать на знание всех этих небес, преисподних, подземных миров и антимиров мертвых» [8, с. 76], - отмечает М. Элиаде, характеризуя богатство и разнообразие мифических погребальных географий. Секулярная эпоха низвела их до уровня «сказок для тех, кто боится темноты» - так пренебрежительно отозвался о вере в посмертное существование известный учёный-физик С. Хокинг [7, с. 21]. Хотя множество людей разделяют веру в то, что после смерти попадут в ад или в рай, вера в загробный мир не играет той роли и не имеет той силы, как, например, в Средневековье.

Древние верования не исчезают бесследно. Как отмечает М. Элиаде, мифологии смерти и погребальные географии стали частью повседневной жизни современного человека – в качестве примера он приводит детскую игру «классики», символически воспроизводящую путешествие в мир мёртвых [8, с. 76]. Древние представления о загробной жизни проявляются и в более явных формах, давая пищу для воображения писателей, художников, режиссёров, которые создают «новые страны, откуда нет возврата» [8, с. 76]. Тема жизни после смерти вообще широко представлена в современной фантастике – от сверхъестественных образов зомби, вампиров и привидений до трансгуманистических идей оцифровки сознания. Произведения, действие которых происходит в загробном мире, в отличие от них изображают посмертное существование как пространство, а не как состояние.

Пространство посмертия разворачивается и в произведениях, вошедших в золотой фонд мировой культуры («Божественная комедия» Д. Алигьери, «Путешествие в загробный мир» Г. Филдинга, «Путешествие капитана Стримфилда в рай» М. Твена, «За закрытыми дверями» Ж.-П. Сартра, «Город за рекой» Г. Казака, «Время должно остановиться» О. Хаксли и др.), и в продуктах массовой культуры. Яркие воплощения жизни после смерти созданы в кинематографе – фильмах «Куда приводят мечты», «Милые кости», «Лимб», мультфильме «Все псы попадают в рай» и др. Массовая литература тоже нередко отправляет своих героев в загробные миры. В основе нашумевших блокбастеров «Куда приводят мечты» и «Милые кости» лежат литературные произведения – одноимённые романы соответственно Р. Мэтисона и Э. Сиболд. Посмертное существование становится ключевой темой для «Иова, или осмеяния справедливости» Р. Хайнлайна, «Танатонавтов» и «Империи ангелов» Б. Вербера, «Проклятых» и «Обречённых» Ч. Паланика и др.

Для современной массовой культуры характерен активный эзотерический дискурс, который легко прослеживается в популярных СМИ. Одной из его составляющих является идея о существовании жизни после смерти, реализующаяся в псевдонаучных описаниях контактов с умершими, свидетельствах об околосмертных переживаниях и т.п. Следует подчеркнуть, что художественные произведения, изображающие загробный мир, в корне отличаются от религиозных и псевдонаучно-эзотерических представлений о жизни после смерти. Аудитория массового искусства не воспринимает описываемые потусторонние ландшафты в качестве реальности или сверхреальности, прекрасно понимая, что это всего лишь плод фантазии авторов. Для зрителей или читателей такой загробный мир становится всего лишь одним из множества фантастических миров. Тем не менее рай или ад, возникающие на страницах фантастического произведения, сложно поставить в один ряд с Вестеросом или Средиземьем. Загробные миры отличаются от других вымышленных миров тем, что попадание в них происходит только после окончательной биологической смерти персонажа (исключение составляют только произведения, эксплуатирующие мотив путешествия в загробный мир в результате физического перемещения, околосмертных переживаний, снов, изменённых состояний сознания).

Зарубежные исследователи для обозначения фантастических произведений, изображающих вторичный мир, в который люди попадают после смерти, ввели термин «afterlife fantasy» [9, с. 2]. Также встречается понятие «posthumous fantasy». Чаще всего оба термина употребляются как синонимы, хотя существует точка зрения, чётко разводящая их значения. Согласно ей, «afterlife fantasy» называются любые произведения, действие которых происходит в загробном мире, а к «posthumous fantasy» следует относить произведения, главный герой которых постепенно осознаёт, что мёртв и готовится к встрече с неизведанным [9, с. 324]. Ключевое отличие состоит в том, что «afterlife fantasy» сразу разворачивает перед читателем пространство посмертного существования. Действие «posthumous fantasy» обычно начинается в реальном мире, который постепенно претерпевает метаморфозы и сменяется посмертием [9, с. 324]. В рамках данного исследования более уместно использовать термин «afterlife fantasy».

В России термин «afterlife fantasy» практически не используется. Такая непопулярность может быть объяснена тем, что сам поджанр в нашей стране находится на этапе становления: произведения такого рода начали появляться в 90-е гг XX века. К тому же по различным признакам их можно отнести к более обширным и устоявшимся поджанрам (например, социально-философской фантастике, ироническому фэнтези и др.). Многие знаковые для развития зарубежного «afterlife fantasy» произведения не переведены на русский язык. В частности, отечественный читатель до сих пор не знаком с произведениями Д.К. Бэнгса, заложившими целое направление «bangsian fantasy», где в центре повествования находятся вымышленные загробные жизни известных литературных персонажей или исторических личностей.

К наиболее известным произведениям крупной формы российского «afterlife fantasy» можно отнести «Свет в окошке» С. Логинова, «Там» Б. Акунина (под псевдонимом «А. Борисова»), «Там, за Ахероном» Е. Лукин», «Казак в аду» и «Казак в раю» А. Белянина, «Элемент крови», «Минус ангел», «Демон плюс», «Ад & рай» Г. Зотова. Тема загробного мира также неоднократно затрагивалась в произведениях малой формы, но в рамках данного исследования мы остановимся исключительно на романах и повестях в силу их большей растиражированности, популярности и степени влияния на аудиторию. Перечисленные произведения совсем не похожи друг на друга по особенностям языка, конструкции сюжета, авторскому стилю, читательскому признанию и положению в литературной иерархии. Тем не менее при подробном анализе у них можно обнаружить общие черты.

В первую очередь на себя обращает внимание откровенно постмодернистский характер загробных миров, возникающих на страницах отечественной фантастики. Устройство большинства из них эклектично: в них сосуществуют представители разных эпох, культур, цивилизаций – от первобытности до современности. При этом посмертное бытие человечества может изображаться совместным, когда культурные ареалы усопших соседствуют или смешиваются друг с другом, или параллельным, когда в соответствии с принципом «каждому по вере его» для каждого персонажа разворачивается индивидуальное посмертие.

Редкое фантастическое произведение, действие которого разворачивается в загробном мире, обходится без исторических отсылок, аллюзий, присутствия известных личностей. Эту тенденцию нельзя назвать порождением современности – уже в античных мифах о путешествиях в загробный мир герои сталкиваются с легендарными персонажами и недавно умершими современниками, дантовский ад также полон хорошо узнаваемых персонажей. В произведениях современных авторов обращение к известным именам приобретает откровенно игровой характер.

Авторы «afterlife fantasy» используют представления о посмертном существовании, характерные для той или иной культуры, наполняя их новым содержанием. Привнесённые элементы часто носят откровенно иронический характер, снижающий высокий пафос первоисточника. К примеру, по различным признакам можно заключить, что действие «Элемента крови» Г. Зотова разворачивается в дантовском аду. Сатирические выпады в адрес современного общества и карикатурные образы вполне согласуются с духом «Божественной комедии», которая, по мнению А. Доброхотова, перекликается с эстетикой современной массовой культуры – от сентиментальной мелодрамы до хоррора [1, с. 37]. Вот только поводом для иронии у Г. Зотова становится и само мироустройство дантовского ада: в качестве наказания персонажи рискуют отправиться «в девятый круг – пасти пингвинов в вечной мерзлоте». Разгуливающие по снежной пустыне пингины снижают пафос грандиозной картины озера Коцит со вмёрзшими в лёд предателями.

О. Кириллова, очерчивая проблемное поле танатологии кино, выделяет две основные стратегии экранных реконструкций загробного мира – культурологическую (где преобладает опора на древние мифологические или религиозные модели) и сюрреальную (где преобладает индивидуально-авторское воображение) [3, с. 18]. Если воспользоваться этой концепцией с определённой оговоркой применительно к литературным произведениям, то погребальные географии отечественной фантастики скорее тяготеют к культурологической модели, но с обязательным наличием сюрреального компонента, посредством которого автор привносит в заимствованные элементы собственное видение и наделяет их своими смыслами. Основным материалом для построения фантастических загробных миров становятся не столько образы из религии или мифологии, сколько массовые стереотипные представления о них или их литературные репрезентации (в первую очередь, «Божественная комедия» Данте).

Если рассматривать российское «afterlife fantasy» с точки зрения принадлежности к конкретной стратегии реконструкции загробного мира, то к культурологической модели ближе всего находится роман А. Борисовой (Б. Акунина) «Там», где с опорой на религиозные источники воспроизводятся различные варианты полесмертия – мусульманский рай, буддийская реинкарнация, протестантское чистилище и т.д. Однако здесь находится место и для современных секулярных тенденций (полное небытие), и для авторской фантазии (школа для маленьких ангелов или «казарма» для бесов). К сюрреальной модели более всего приближается роман С. Логинова «Свет в окошке», представляющий собой попытку создания секулярного посмертия, основанного на законах жёсткой рациональности.

И. Желтикова и Д. Гусев предлагают рассматривать образы посмертия в массовой литературе как выражение присутствующего в массовом сознании образа смерти [2, с. 131]. Доля истины в таком подходе, бесспорно, есть, но он способен добавить лишь отдельные штрихи к восприятию современного образа смерти. А. Павленко выделяет 5 способов репрезентации феномена смерти в современной культуре: биологическое явление, социальный ритуал, психологический портрет, сверхъестественное явление и мистическая персонификация [6, с. 58]. В фантастических произведениях о загробных мирах доминирует представление смерти как сверхъестественного явления. Остальные способы репрезентации также могут присутствовать, но не играть при этом ведущей роли. Следовательно, опираясь на «afterlife fantasy», можно сделать весьма однобокие и ограниченные выводы о современном образе смерти.

Действие, разворачивающееся в пространстве загробного мира, скорее, представляет собой не саму смерть, а некую форму продолжения жизни в специфических условиях иной реальности. Здесь в большей степени выдвигаются на передний план вопросы смысла жизни, сохранения социальной памяти, сущности человеческой природы, реакции человека на встречу с неведомым. Хотя загробные миры современных фантастов содержательно

отличаются от религиозных картин мира посмертного существования, к ним вполне применимо утверждение Ж. Ле Гоффа о связи структуры посмертия с социальными и ментальными сдвигами в обществе [4, с. 15]. Следовательно, весьма перспективным становится иной подход к трактовке загробных миров «afterlife fantasy»: их можно рассматривать как метафору современного состояния общества и культуры.

В социальной организации фантастических пространств посмертного существования присутствуют современные социальные институты (города, школы, спецслужбы, правоохранительные органы и др.), а также обнаруживаются проблематика, находящаяся в центре общественного внимания в период создания произведения. Так, например, загробные миры в отечественных фантастических романах поражены такими проблемами, как несправедливость распределения доходов и культурное перепроизводство («Свет в окошке С. Логинова»), межнациональные конфликты и деструктивные новые религиозные движения («Казак в раю» А. Белянина), коррупция («Там за Ахероном» Е. Лукина), неэффективная работа бюрократического аппарата и засилье низкопробной массовой культуры («Элемент крови» Г. Зотова») – все эти вопросы в разные годы находились на повестке дня постсоветской России. «На Земле <...> плохое когда-нибудь может закончиться, но в *городе* (в аду – прим. А.М.) все проблемы существовали вечно», – ёмкая формулировка из сатирического романа Г. Зотова «Элемент крови» характеризует вымышленный загробный мир как гипертрофированную версию реальной действительности.

Гуманитарные науки и публицистический дискурс с середины XX века провозглашают разного рода метафизические смерти (смерть автора, смерть читателя, смерть Запада, смерть социального, смерть искусства, конец истории, конец науки, конец либерализма и т.д.), а для описания процессов современности используют приставку «пост-» (постмодернизм, постправда, постиндустриальное общество, постсекулярность и т.д.), подразумевающую исчезновение предшествующих тенденций. М. Мусин приходит к выводу, что, находясь в условиях омертвлённой и попусту потерянной в симуляциях жизни, современный «постмодернистский человек не может умереть, так как он не живёт» [5, с. 41]. По сути дела, современность допустимо метафорически трактовать как посмертие некогда влиятельных тенденций, идей, парадигм.

Если подойти с такой позиции к анализу произведений современного российского «afterlife fantasy», возможность социально-политической интерпретации представит ключевые идеи совершенно в ином свете. Так, например, главный герой романа С. Логинова «Свет в окошке» попадает в «нихиль» – загробный мир, где воспоминания о мёртвых конвертируются в твёрдую валюту. Чем чаще имя усопшего всплывает в памяти живых (неважно в позитивном или негативном контексте), тем больше у него денег, которые можно потратить на улучшение своего положения и отсрочку окончательного исчезновения. Идеи, лежащие в основе романа, заставляют задуматься о том, как постепенно стирается социальная память об умерших, какую роль играет отдельная личность в ходе истории. Вместе с тем проблемы, с которыми

сталкивается главный герой романа – типичный «советский человек» - в загробном мире, вполне соответствуют трудностям, постигшим его современников на постсоветском пространстве: поиск новой идентичности и средств к существованию в условиях, когда их жизненные ценности, оказались далёкими от реалий современности, а профессиональные навыки – не востребованными.

Фантастические произведения, будучи одним из наиболее типичных проявлений массовой культуры, выполняют характерный для неё набор функций, среди которых значимое место занимает адаптация к меняющимся условиям современности. Научная фантастика помогала человечеству приспособиться к стремительному технологическому прогрессу, а классическое фэнтези – свыкнуться с наступлением эпохи глобализации и мультикультурализма. «Afterlife fantasy» как разновидность фэнтези выполняет ту же самую функцию, только с большим упором на адаптацию к условиям, возникающим после геополитических катастроф, смены парадигм, прекращения некогда актуальных тенденций.

Список литературы

1. Доброхотов, А.Л. *Философия культуры* / А.Л. Доброхотов – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. – 557 с. - ISBN 978-5-7598-1191-6.
2. Желтикова, И.В. *Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология.* / И.В. Желтикова, Д.В. Гусев. – Орёл : Издательство ОГУ, 2011. – 172 с. - ISBN 978-5-9929-0130-6.
3. Кириллова, О.А. *Прологомены к танатологии кино: смерть и экранный хронотоп, линейность и монтаж* / О.А. Кириллова // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология».* – 2014. - № 1 (15). – С. 17-26.
4. Ле Гофф, Ж. *Рождение чистилища* / Ж. Ле Гофф. – М. : АСТ, Екатеринбург : У-Фактория, 2009. – 544 с. - ISBN 978-5-9757-0437-5, 978-5-403-00513-5.
5. Мусин, М.З. *Парадигмы смерти* / М.З. Мусин // *Международный журнал исследований культуры.* - № 1 (22). – 2014. – С. 39-44.
6. Павленко, А.А. *Смерть в структуре тезауруса современной культуры : дисс. ... канд. культур.* / А.А. Павленко. – Комсомольск-на-Амуре, 2014. – 174 с.
7. Финогентов, В.Н. *Человек на грани небытия: Философские этюды* / В.Н. Финогентов. – Орёл : Полиграфическая фирма «Картуш», 2015. – 248 с. – ISBN 978-5-9708-0474-2.
8. Элиаде, М. *Оккультизм, колдовство и моды в культуре* / М. Элиаде. – Киев : София, М. : ИД «Гелиос», 2002. – 224 с. - ISBN 966-7319-60-1, 5-344-00159-2.
9. Stableford, B.M. *Historical Dictionary of Fantasy Literature* / B.M. Stableford. – Lanham : Scarecrow Press, 2005. – 570 p. – ISBN 0-8108-4944-5.